

ДАЛЕКО ВИДИТСЯ С ЗЕЛЕННОЙ ГОРКИ

Есть на тюменском Севере город Семь Лиственниц. По-ненецки это звучит — Лабытнанги. Давшие ему имя семь лиственниц второе столетие растут здесь, на берегу небольшой речки Вым-Посл. В сороковых годах улица Лесная в Лабытнангах была настоящим бором. Сейчас об этом читают в книжках. Лабытнанги растут, как многие города, — распихивая ветошь своего хозяйства на окраины. И слепяще-белые снега тундры отступают под натиском мелких деревянных строений, складов, баз, ограждений, частокола столбов, похожих на подгулявших матросов.

Но словно иной мир открывается в этом окраинном пейзаже, когда попадаешь на Зеленую горку, на холм, где обосновался стационар Института экологии растений и животных Уральского научного центра Академии наук СССР. Кажется, ты паришь, словно птица, над сквозистыми кронами северного леска, струящимися на ветру тонкими веточками берез и кустарников.

Встречаясь с директором стационара Юрием Филипповичем Рождественским,

— Краем, где «условия жизни пессимальны», называл его наш учитель, ныне покойный академик Станислав Семенович Шварц, — говорит Рождественский. — Именем его, основателя нашего института, освящено все, что делается сотрудниками стационара.

Утром я встречаюсь в рабочих кабинетах этого брусового дома, где и живет часть исследователей, с зоологом Вячеславом Федоровичем Сосиным и ихтиологом Валерием Михайловичем Шишмаревым. Сосин будет дышать трубкой и набрасывать контуры рационального охотничьего хозяйства на Ямале. Вместе с рыбным оно должно вписаться в задуманную еще Шварцем эколого-экономическую модель такого развития промышленности в южной тундре, какое бы позволяло вести здесь народно-хозяйственные дела без нарушения природных комплексов.

Шишмарев рассказал о преступлении, совершенном директором Харпского завода строительных материалов Главтюменнефтегазстрой С. Сургучевым. Тот свысока, пренебрежительно смотрел на инспекторов рыбоохраны, полагая, что они его подданные, возмущался, что от него требуют привести в порядок склад горюче-смазочных материалов. И надвигавшаяся, словно циклон, катастрофа стала реальным фактом: десятки тонн дизельного топлива ушли в нерестовую реку Собь, ущерб, нанесенный природе, исчислялся в миллионах рублей. По заключению Шишмарева органы рыбоохраны подали на Сургучева в суд. И директора завода официально обвинили в преступно-халатном отношении к своим обязанностям. Но затем не без активных усилий обвиняемого прокуратура Ямalo-Ненецкого автономного округа приняла постановление о... прекращении уголовного дела. Подумашь, погибло какое-то нерестилище! Шишмарев вызвал на помощь журналиста и продолжает борьбу.

...А сегодня льется ручеек нашей беседы с Рождественским. Юрий Филиппович голубоглаз, мягок, интеллигентен. Слушал я Рождественского, и яснее становился смысл его слов, какими охарактеризовал он одного

из своих товарищей: «Как Шварц, человечный». Яркий след оставил в памяти своих учеников этот выдающийся советский учёный.

...Был солнечный весенний день на тундровой речке Ядаяхдыяха, когда Шварц попросил повернуть катер к берегу, чтобы еще раз взглянуть хоть издали на еловый остров: он очень плохо чувствовал себя и дойти до леса, протянувшегося километра на три пятисотметровой в ширине лентой, ему не хватало сил. И вдруг увидел он, что на месте оазиса — во всю его длину — торчали пни, лежали навек погубленные топором и бензопилой деревья. Это оставила следы какая-то изыскательская экспедиция. Вероятно, тут собирались что-то построить, но сме-

рать жизнеспособные, всходящие семена и расселять их в тундре.

На пяти гектарах тут создан настоящий ботанический сад на 25 тысяч корней. На белом холсте снегов рисуются узоры из тончайших разводов веточек карликовых берез, елей, лиственниц. Стелеются над землей рябина, калина, жимолость, выбежал на небольшую полянку ярко-зеленый побег кедра...

В центре сада порядок домов сотрудников стационара. Под окнами несколько трехчетырехметровых столетних лиственниц с крупными, почти как у кедра, шишками. Их семена будут рассеивать в тундре. Поразила меня декоративная бересклет с «ведьминой метлой». Рождественский улыбается и говорит, что можно сотворить и не такое чудо и что

вых» лесах пытаются выкопать самые большие (а им по сто и больше лет), «старики» же, как известно, предпочитают умирать на родной земле. И путешествие с людьми оказывается их концом. По сданному благоустройителями за многие годы, по бумажным отчетам Лабытнанги — полярный оазис. Суровая же действительность — чахлые хлыстики на улицах.

Мне приходилось только кивать головой в ответ. По-настоящему зеленых городов в стране не так уж много. Почти на последнем месте по озеленению стоит Пермь, хотя по отчетам на каждый квадратный метр улиц тут высажено по 17 деревьев и кустарников. И удивительный скачок сделал Омск, прославившийся на весь Союз своим озеленительным энтузиазмом. Заходустый город, бывший в царское время одним из самых замусоренных и неприглядных в России, стал настоящим садом.

Недавно я побывал на своей родине, в городе Хабаровске, и не могу забыть теперь глаза ученого, в которых застыла лютая стужа, — глаза лесовода Анатолия Григорьевича Измоденова, когда он говорил, водя меня по

росли уникальной родиолы розовой, выпалывают все подряд. А заботу о растениях можно «законтурить» в производственный цикл, и будут наши потомки знать тогда о снах розовых цветов не только из книг.

Незаживающие раны оставляют на теле тундры вездеходы, разрушаются «ледяные жилы», и вместо бугров появляются на равнине провалы. Уже витают перед нами миражи полярных пустынь «вездеходогенного» происхождения. А нужны новые транспортные схемы, на северные трассы давно просятся машины на воздушной подушке или на пневмошинах.

В Салехарде мне удалось взглянуть на Ямал глазами космонавтов. На космическом снимке хорошо видны были лесные пожары, многокилометровые шлейфы дыма. Тайга горела в зоне активной деятельности человека, в Надымском, Пуровском районах, на приполярных газовых месторождениях Уренгойском и Медвежьем, в проектах освоения которых природоохранные мероприятия практически не предусмотрены. В Красноселькупском же районе, куда еще не пришел ветер индустриального преобразования, не было ни единого дымочка. Охотники и рыбаки, коренные жители этого таежного угла смогли, видимо, установить разумные, гармоничные отношения с окружающим их миром природы, их поильцем и кормильцем. Можно остановить и лесные пожары, это реально и так будет, потому что мы живем не при капитализме, разрушение и уничтожение природной среды которым есть его агония. Мы придем к тому, что комплексно-научное освоение северных регионов страны будет идти впереди промышленного. За это работал и боролся Станислав Семенович Шварц. Ученый торопился, пока еще не было поздно, разработать полнокровный сценарий развития экономики на Ямале и в других приполярных зонах.

Отрадно заметить, что одна из «сюжетных линий» такого сценария уже превращается в жизнь. В январе 1977 года Совет Министров РСФСР поручил Главохоте Республики разработать принципиальную схему размещения охранных объектов в Российской Федерации, в том числе в Тюменской области. Отлично работали на стадии изысканий ученые-геологи из института «Запсибнеги», которые восприняли идею организации заповедников как свое кровное дело, творчески отнеслись к нему. Большую помощь оказали исследователям Тюменский облисполком.

Схемой предусмотрены два заповедника в районах Крайнего Севера — «Тундровый» на Ямале и «Гыданский» на Гыданском полуострове. Это первые охранные территории в арктической зоне нашей страны. Их общая площадь превысит миллион гектаров.

Заповедник «Юганский» будет создан в Сургутском районе — центре нефтяного Приобья. В Красноселькупском районе, в верховьях реки Таз, расположится Верхне-Тазовский заповедник площадью до 800 тысяч гектаров. Он охватит ряд притоков — нерестилищ сиговых рыб, кедровники и тайгу с богатой фауной...

Две дни на Ямале стояла чудесная, безоблачная погода. Уехал я из Лабытнанг на автобусе. Солнце щедро заливало светом белую тундуру, снега словно истекали по нему и сияли безудержной радостью, спели глаза. Я последний раз взглянул на Зеленую горку — место надежд и больших началь... На память пришло услышанное от старого таежника: «Береги природу, она сбережет тебя».

ЗЕЛЕННАЯ ГОРКА — ТЮМЕНЬ

В зимнем лесу.

Фото И. ЧИРКОВА

нилась обстановка, и поваленные ели уже не понадобились...

Шварц больше других понимал значение приполярных таежных зон, потому что сам был одним из авторов новых взглядов на них. До недавнего времени «легкими Земли» традиционно считали тропические леса. Сейчас установлено, что значительная часть кислорода в экваториальных лесах уходит на разложение опавшей листвы. Основным поставщиком кислорода является север планеты. Мысль учителя давно не дает покоя Юрию Филипповичу, и он говорит мне:

— Границу северной тайги можно продвинуть на 200—300 километров в Заполярье. Самые упрямые и выносливые деревья дойдут до Ледовитого океана. Есть такая концепция. И жизненность ее подтверждается. Тундра и лес — не враги, не-ет! Есть такие объяснения причин безлесья тундры: вечная мерзлота, мол, и морозы непускают деревья дальше на север. Но две трети хвойных массивов страны лежат в области вечной мерзлоты, на полюсе холода, в районе Оймякона растет великолепный многогородный лес...

Юрий Филиппович Рождественский проводил исследования на хвойных деревьях и считает, что резкие перепады температур весной повреждают репродуктивные клетки. Но можно отби-

ботаникам рай на Севере, только работай, дерзай, деревья и травы здесь все на особинку, и очень важно сберечь генетический фонд приполярной флоры от гибели и уничтожения.

Двадцать лет создает коллекции стационара этот шедевр искусства озеленения на суровой полярной земле.

Рождественский говорит:

— У нас почти все сразу приживается. Древесные здесь не имеют стержневого корня, он растекается по поверхности. Стоит углубить корень на несколько сантиметров больше, чем это было в естественных, природных условиях, погибнет... Все это надо учитывать при озеленении города. Не одно лето пытались мы убедить городские власти Лабытнанги, что озеленять их надо под руководством специалистов.

Ученый затронул животрепещущую, злободневную тему, и именно на Зеленой горке она открылась мне той своей стороной, которую беглым взглядом трудно увидеть.

Озеленение имеет полные права гражданства в проектах застройки Лабытнанги, в планах благоустройства города. Весной начинаются массовые кампании по пересадке деревьев, хотя лучше это делать в холодные осенние дни. Деревья в «карлико-

мертвому парку близ телевизионного центра:

— Один миллион саженцев пятнадцатиметровых тополей посадили здесь варварски — пообрубив практически корни — в осенние месяцы 1972—1973 годов. И сад громадный засох. А кричали, писали о нем везде.

Любовь к Отечеству начинается с малого — с забот о своем доме, своей улице, своем городе...

В последние годы много говорят и пишут об охране природы. Это веление времени, суровая необходимость. Это же кое для кого и мода, а то и просто ширма. За ней скрывают порой бездеятельность, холодное, иногда преступно тупое равнодушие к вопросам, от которых может зависеть в будущем само существование человеческого общества. Такие раздумья вместили в себя мысли покойного Станислава Семеновича Шварца об эколого-экономической модели развития народного хозяйства в южной тундре. Выдающийся ученый-патриот и его коллеги по Институту экологии растений и животных работали над созданием такого экономического механизма, какой бы «самонастраивал» производственные коллективы на рациональное и бережное отношение к природным ресурсам.

Сейчас промысловики на Полярном Урале уничтожают за-